

УДК 378: 94 (571. 16) «1920–1925»: 329. 15

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА ТОМСКОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА (1920–1925 гг.)

В.Н. Гузаров

Томский политехнический университет

E-mail: regionoved@mail.ru

Исследуются вопросы ликвидации автономии высшей школы, регулирования социального состава вуза путем чисток, расширения полномочий партийной ячейки, кадровой политики в отношении профессуры и преподавателей. Прослежено негативное отношение партийных и советских органов к профессуре, анализируются причины так называемого бегства ученых из Томска.

Ключевые слова:

Автономия высшей школы, чистка, права студентов, зарплата ученых, «бегство профессуры», Сибирь.

Key words:

Higher School's autonomy, «chistka», student rights, scientist salary, «professors' flight», Siberia.

Историческому пути томских вузов посвящена довольно обширная литература. Преимущественно это статьи и книги, написанные с коммунистических позиций. Неудивительно, что их авторы осуждают старую профессуру, так называемое мелкобуржуазное студенчество, но при этом восхваляют рабочие факультеты и оправдывают все эксперименты большевиков над высшей школой. Подобное упрощенное деление вузовской среды на белую и красную не способствует объективному анализу прошлого. В последние десятилетия появились новые публикации по проблеме. Интересные сборники документов подготовили томские [1] и новосибирские ученые [2]. Эти издания, а также архивные документы позволяют осветить ранее неизвестные страницы истории томских вузов.

Превращение технологического института в советский вуз было далеко не гладким. Для описания этого процесса скорее подходят такие понятия как «диктатура», «социальная ненависть», «ломка традиций». Ожесточение, как следствие гражданской войны, надолго определило взаимоотношения коммунистов и их оппонентов. Томские профессора состояли в партии кадетов, входили в антисоветские правительства, а студенты были мобилизованы в Белую армию. Даже в конце 1925 г. коммунист В.П. Мальгин не мог забыть как многие политехники в 1918 г. помогали свергать советскую власть [3]. Социальная конфронтация препятствовала восстановлению нормальной работы вузов.

Руководство вузами РСФСР осуществлял Народный комиссариат просвещения и Главный комитет профессионального образования. В Сибири действовали их филиалы: Сибнаробраз и Сибпрофобр. Непосредственно вузами руководили советы и коллегии, а затем правления, которые избирались профессорско-преподавательским составом и коммунистическим студенчеством. В состав правления входили пять человек: два представителя от студентов, два — от профессоров и ректор. В состав коллегии входил студент-технолог В.И. Подосенов. В марте 1921 г. он был отозван ЦК РКП (б) в Москву.

Новая власть уволила профессоров, сотрудничавших с антибольшевистскими правительствами. В июле 1920 г. был закрыт Институт исследования Сибири, основанный при А.В. Колчаке. Подчинение вузов советской власти началось с отмены автономии высшей школы. Выступления губернских руководителей и активистов ячейки РКП (б) студенты встречали свистом и выкриками. Томские руководители видели в вузах, прежде всего, резервуар для пополнения контрреволюционных организаций. Поэтому коммунисты взяли курс на изменение социального состава высшей школы. С весны 1920 г. на базе Томского университета начал функционировать рабочий факультет. Его выпускники заменяли нелояльное новой власти студенчество социально близким контингентом. Компетенции и навыки студента приносились в жертву социальному происхождению.

«Пролетаризация студенчества» достигалась посредством чисток. 7 октября 1920 г. пленум губкома РКП (б) создал специальную комиссию для срочной и более строгой перерегистрации студенчества Томска. Число коммунистов в вузах постоянно росло. К концу 1920 г. на механическом факультете ТТИ имели партийный билет: И. Изаксон, И.М. Измestьев, А.М. Лев, И.И. Морозов, К. Негодаева, Д. Маслов, А. Ордуян, М. Осипова, М.А. Ревич, А. Шмаков, И. Шнеерсон, В. Безобразов, Д. Бондаренко и другие. На инженерно-строительном факультете коммунистами были Н.И. Буров, И. Глаголев, В. Лагунов, Е. Михайлова, П. Сабуров, П. Серегин, Н. Турченко. В число коммунистов горного факультета входили: М. Инжеватов, К.А. Иванов, А. Красова, Я. Луи, В. Меерсон, М. Осипова, С. Радин, Д. Хорунов, П.Д. Камнев. В конце 1920 г. в ТТИ насчитывалось 49 коммунистов [3. С. 115].

Партийная ячейка проводила в вузах директивы губкома РКП (б). В декабре 1920 г. лидеры ячейки страстно призывали органы власти очистить высшую школу от антисоветских элементов и трудовых дезертиров. Однако уже тогда отдельные вузовские партийцы сознавали невозможность быстрой

замены старой профессуры. Тем не менее, бюро ячейки надеялось заменить хотя бы часть вузовских преподавателей коммунистами из советских учреждений. 21 апреля 1921 г. президиум губкома РКП (б) обсудил вопрос о профессуре. Коммунистической фракции губернского исполкома Совета поручалось обследовать быт ученых и принять меры к его улучшению. Однако средства для этого выделены не были. К лету 1921 г. стали окончательно ясны масштабы страшного голода в Поволжье. Экономическое положение страны резко ухудшилось. Вузы фактически лишились финансирования вследствие инфляции. 8 июля 1921 г. президиум губкома одобрил сокращение числа академических пайков для вузов. За декабрь 1921 и январь 1922 гг. профессора получили только по 10 фунтов муки. Зимой не хватало топлива. Сводка Государственного Политического Управления (ГПУ) за 29 мая – 5 июня 1922 г. сообщала о подавленном настроении профессуры и сотрудников технологического института. Жалование недополучено за февраль 1922 г., паек выдается за апрель, идет сокращение штатов [4].

Разруха, голод, преследование всего старого как контрреволюционного препятствовали возрождению высшей школы. Местная власть не уделяла ей должного внимания. Только 22 июля 1922 г. уполномоченный Наркомпроса по Сибири сообщил в Москву о непрекращающемся бегстве профессуры из технологического института [2. С. 152]. Этот процесс мог привести к превращению высших учебных заведений в средние. Новая власть не видела особой ценности в вузах, тем более провинциальных. В феврале 1922 г. Сибпрофобр объявил, что обеспечит стипендиями только четвертую часть студентов. Поток политических кампаний, заседаний, собраний и митингов отвлекал молодежь от учебы. В разгар лета, 12 июля 1922 г., вузовская ячейка просила разрешения райкома РКП (б) сократить число ежемесячных собраний с четырех до двух и получила отказ [5].

Известные ученые и общественные деятели пытались помогать вузам России. В Томск приезжал Гарольд Гибсон, представитель известного норвежского полярного исследователя Фритьофа Нансена. 1 сентября 1922 г. президиум Томского губкома РКП (б) (В.А. Строганов, А.П. Марцинковский, М.Д. Каменский, В.С. Корнев) в присутствии секретаря Сиббюро ЦК РКП (б) И.И. Ходоровского заслушали информацию председателя губисполкома В.С. Корнева о намерениях прибывших иностранцев. Губком РКП (б) разрешил Гарольду Гибсону ознакомиться с жизнью вузов города и провести собрания для выяснения числа нуждающихся студентов [6]. 4 сентября 1922 г. состоялась встреча профессоров и преподавателей томских вузов с представителем нансеновской миссии Г. Гибсоном и его переводчиком С. Толстым, внуком Льва Николаевича. Обсуждались конкретные вопросы помощи студентам [7]. Собрание студентов томских вузов с глубокой благодарностью приняло помощь

своих зарубежных коллег. Резолюция партийной ячейки была иной: «Одобряем помощь Гибсона, но признаем её узкоклассовый характер» [8].

В Томске был создан нансеновский комитет помощи голодавшим студентам во главе с председателем губернского исполкома Совета В.С. Корневым. В комитет включили А.Д. Никифорова и доктора Г.С. Беленького. 8 декабря 1922 г. президиум губисполкома заслушал отчет о деятельности комитета. Принятое постановление обязало губернский отдел коммунального хозяйства ускорить ремонт студенческой столовой, отпустить вузам необходимое количество дров из местных средств. Вместе с тем губернские власти решили просить центральную комиссию Нансена увеличить помощь для Томска. Г. Гибсон намеревался оказать поддержку, прежде всего, старшекурсникам. Однако местные власти вынудили его снабжать и слушателей рабочего факультета. Коммунисты и комсомольцы рабфака пользовались нансеновской столовой, хотя и продолжали получать государственную стипендию. Сотрудничество томских вузов с Нансеном вскоре было свернуто. 24 апреля 1923 г. закрытое заседание бюро Томского губкома РКП (б) решило не посылать делегата на Женевскую конференцию [9]. До сентября 1923 г. сотрудники миссии Нансена снабжали томских студентов и рабфаковцев одеждой, обувью, бельем.

В октябре 1922 г. в губисполкоме состоялось собрание профессуры и руководителей губернии. Консенсуса достичь не удалось. Тем не менее, В.А. Строганов, А.П. Марцинковский, В.С. Корнев и И.Л. Магун отмежевались от излишне резких выступлений члена президиума губкома РКП (б) А.Д. Никифорова против профессуры. В ноябре 1922 г. ленинцы широко праздновали пятую годовщину установления советской власти. С лекциями для трудящихся выступали не только профессиональные пропагандисты, но и вузовские коммунисты: А.С. Бассер, С.И. Кукс, А.И. Юдалевич.

Шумная кампания пятилетнего юбилея новой власти усилила оппозиционные настроения некоммунистической части студенчества. 12 декабря 1922 г. губком РКП (б) получил циркуляр Центрального комитета об увольнении из вузов всех бывших белых офицеров. Это касалось многих студентов, ранее мобилизованных в армию А.В. Колчака. Выявление таких людей возлагалось на вузовских коммунистов. Уже в конце декабря 1922 г. ГПУ арестовало 20 человек [1. С. 329–330]. Секретарь Томского губкома РКП (б) В.А. Строганов отмечал большие трудности в деле внедрения пролетарской идеологии в вузовскую среду. Его заместитель М.Д. Каменский считал большую часть профессуры города реакционной.

С февраля 1923 г. ЦК РКП (б) совместно с Центральным бюро коммунистического студенчества готовил политическую чистку высших учебных заведений. Губернские комитеты правящей партии предупреждали, что в провинциальных вузах осела масса белогвардейцев. Томский губком РКП

(б) создал специальные проверочные комиссии, которые действовали в контакте со спецслужбами. В феврале 1923 г. в Томск прибыл новый начальник губернского ГПУ М.А. Филатов. Перед ним была поставлена главная задача проверить и очистить студенческую среду томских вузов [10]. В результате чистки были исключены многие студенты.

Чистка спровоцировала открытое антисоветское выступление молодежи. В марте 1923 г. был создан Центральный демократический студенческий комитет. ГПУ произвело аресты. Следствие обвинило инициаторов акции в навязывании молодежи эсеровской идеологии. Сотрудники ГПУ, явно сгушая краски, представили выступления студентов как заговор белых офицеров. В сводке спецслужбы сообщалось, что чистка активизировала коммунистов ранее «очень халатно и презрительно смотревших на работу ГПУ, которые теперь начинают указывать на белогвардейский и контрреволюционный элемент» [1. С. 322]. Напуганные студенты стали чаще доносить. В сводке ГПУ от 20 марта 1923 г. сообщалось, что со стороны части преподавательского персонала раздается критика некоторых положений К. Маркса и агитация за академизм.

31 марта 1923 г. Сибирское бюро ЦК РКП (б) заслушало информацию о контрреволюционном выступлении группы студентов Томска. Областное бюро приняло решение об административной высылке 23-х арестованных студентов [1. С. 328]. Высший партийный орган Сибири действовал как судебная инстанция. 24 апреля 1923 г. закрытое заседание бюро губкома РКП (б) одобрило доклад начальника ГПУ М.А. Филатова о первых итогах чистки вузов. Более 10 % исключенных составляли бывшие белые офицеры [11]. Чистка сломала карьеру многих молодых людей и озлобила их. Учитывая эти настроения, губернский комитет РКП (б) рекомендовал комиссии по чистке внимательно разбирать заявления исключенных «и тем самым рассеивать создавшуюся нервную обстановку» [12]. Следующая директива, наоборот, требовала от руководящих товарищей твердости. 10 марта 1923 г. президиум губкома предупредил фракцию коммунистов губисполкома о необходимости осторожного подхода при приеме на работу бывших белых офицеров и вообще всех исключенных из вузов. В условиях безработицы, особенно в Томске, это была довольно жесткая мера.

Во время чистки большинство комиссий Сибири произвели массовые исключения и превысили установленные задания. 21 мая 1923 г. секретарь Сиббюро ЦК РКП (б) С.В. Косиор предупреждал В.А. Строганова о нежелательности подобного подхода. Чтобы взять ситуацию под контроль, на следующий день губком РКП (б) ввел своих представителей, сотрудников ГПУ Ф.М. Скрипко и А.М. Шалаева, в комиссии по чистке.

В 1922/23 учебном году партийная ячейка продолжала конфликтовать с профессурой. В докладе студенческого бюро губкому РКП (б) отмечалось:

«Можно с уверенностью сказать, что ячейка в полном смысле слова директорствовала в вузах» [13]. Руководство технологического института часто выступало против решений партийной ячейки и апеллировало к губисполкому. Члены студенческого бюро признавали, что их отношения с преподавателями далеки от идеальных: «Дело доходит до взаимной, может быть, психологически болезненной подозрительности» [14]. В феврале 1923 г. единая вузовская ячейка была разделена. Наибольшее число коммунистов (70) насчитывала ячейка томского технологического института (ТТИ). Здесь первое место по количеству партийцев занимал механический факультет. Свою судьбу с правящей партией связали 35 товарищей: Исая Аронович Могилевский, Михаил Савельевич Морген, Илья Данилович Мошук, Иван Иванович Неудахин, Григорий Рафаилович Николаев, Федор Иванович Савельев и другие.

Первый городской райком РКП (б) Томска, на территории которого находились вузы, внимательно рассматривал заявления каждого соискателя партийного билета. 6 апреля 1923 г. райком перевел из кандидатов в члены Татьяну Георгиевну Иванову из технологического института. Напротив ее фамилии стояла пометка: «Дочь рабочего». Ленинцы возрождали древнекитайское «право тени».

Студенты коммунисты и комсомольцы сообщали в ГПУ обо всех критических высказываниях преподавателей в адрес новой власти. На основе этой информации спецслужба составляла краткие сводки о политической обстановке в вузах. Например, сводка по технологическому институту от 20 марта 1923 г. беспристрастно повествовала, как профессор Н.И. Карташов критиковал планы электрификации, а Ключковский – новую советскую архитектуру. Многие преподаватели иронизировали над проектами преимущественного финансирования крупной промышленности. Сотрудники ГПУ квалифицировали подобное поведение лекторов как «контрреволюционную работу» [1. С. 322].

Приемная кампания в вузы 1923 г. коренным образом отличалась от предыдущих. Правительство фактически запретило принимать так называемые непролетарские элементы. Дети дворян, священников, торговцев и прочих бывших навсегда лишались возможности получить высшее образование. Выполняя указание Москвы, Сиббюро ЦК в мае 1923 г. издало циркуляр «О пролетаризации высшей школы». По мнению секретарей областного бюро, в вузах региона обучалось только 20 % пролетарского и полупролетарского студенчества, 60 % мелкобуржуазного мешанства и 20 % антисоветских элементов. Это положение признавалось ненормальным. Циркуляр предписывал «полное укомплектование школы пролетарским составом студенчества» [2. С. 180]. Иными словами, коммунисты наметили удалить из вузов 80 % студентов.

Важным шагом на пути к этой цели стала приемная кампания 1923 г. Основная масса нежелательных претендентов была отсеяна районными

комиссиями, которые состояли из коммунистов и комсомольцев. Без их направления вузы не принимали документы у молодых людей. Далее действовали приемные комиссии вузов. Партийные комитеты обязывались вводить туда своих представителей с целью не позволить профессуре провалиться на экзаменах пролетарских абитуриентов. В состав приемной комиссии технологического института входили: от Сибирской приемной комиссии — А.И. Шаламов, от губкома РКП (б) — А.В. Бричкин, от губкома комсомола — В. Осетров, от губернского профсоюза — И.В. Плаголев (заменен А. Бурмакиным), от правления института — С.И. Кукс. Вузовские комиссии также проверяли классовый состав желающих учиться. В технологическом институте к выпускным экзаменам не допустили 56 молодых людей. Приоритет социального происхождения над знаниями негативно сказался на качестве нового набора. В отчете приемной комиссии технологов отмечалось, что профкомы дали «совершенно неподходящий для вузов элемент» [15]. Аналогичный упрек можно было адресовать партийным и комсомольским комитетам. К сентябрю 1923 г. партийная ячейка технологического института выросла до 106 коммунистов [16].

Увлеченные пролетаризацией студенчества, партийные функционеры длительное время не замечали количественных и качественных изменений в преподавательском корпусе. В отчете за сентябрь 1923 г. новый секретарь губкома В.С. Калашников сообщал в ЦК РКП (б) о тревожном положении в вузах к началу учебного года: «Лучшая качественная профессура бежит» [17]. ТТИ при четырех факультетах лишился 12 профессоров и мог утратить ценность как высшее учебное заведение. При этом Василий Степанович ссылаясь на мнение посетившего Томск А.В. Луначарского, что студенты и лаборатории хорошие, а профессоров почти нет. Основным мотивом бегства профессуры секретарь губкома считал низкую зарплату. Профессор получал золотом в месяц: в 1909 г. — 400 р., в 1916 г. — 562 р., а в 1923 г. — 50 р. Зарплата известных профессоров в 1923 г. составляла не более 2 тыс. р. денежными знаками 1922 г. Другие преподаватели имели по тысяче и не могли выписывать литературу и газеты. Учреждения центра страны переманивали провинциальных профессоров и преподавателей с высокими окладами. Так, И.И. Бобарыкову и Н.П. Чижевскому выдали на проезд до Москвы 1430 р. золотом, а весь кредит института составлял 1800 р. К своему отчету в ЦК РКП (б) В.С. Калашников приложил докладную записку члена правления ТТИ и список оставшихся профессоров из 25 фамилий.

В сентябре 1923 г. на горном факультете вместо 16 штатных профессоров работало 8. Аналогичная ситуация сложилась на механическом факультете. Электротехническая специальность, ввиду отъезда А.А. Потемни, не была обеспечена совсем. Пришлось закрыть два отделения: холодильное и сельскохозяйственное за неимением преподавателей и

оборудованных лабораторий. Инженеро-строительному факультету не хватало 10 профессоров, 5 преподавателей и 10 научных сотрудников. Дипломники теряли своих научных руководителей. В феврале 1925 г. исполняющий обязанности секретаря губернского комитета РКП (б) Лев Борисович Денис предоставил в ЦК РКП (б) очередную докладную записку о бегстве профессуры. Основной причиной увольнения ученых он считал низкий заработок 60–80 золотых р. в месяц. Бывшие профессора в хозяйственных учреждениях центра и юга страны получали в десятки раз больше. В Томске не было значимых хозяйственных органов, где профессора могли бы подрабатывать консультантами и иметь доход больший, чем в вузе. Бегство профессоров объяснялось также невозможностью получения внутренних и зарубежных командировок в ведущие научные центры. Чтобы задержать профессоров в Томске, Л.Б. Денис предлагал увеличить оплату 10–15 лучшим из них до 400–500 р. в месяц [2. С. 266–270]. Доклад правления ТТИ в Главпрофобр от 17 марта 1925 г., наряду с уже известными причинами бегства профессоров из Томска, называл и новые: дороговизна жизни, плохой климат, ликвидация советской властью привилегий сибирской службы, плохое снабжение приборами, материалами и литературой [18].

Важной причиной бегства профессуры, не упоминавшейся в отчетах, было недоверие местных властей к ученым. В октябре 1924 г. Сибкрайком и Томский губком РКП (б) настаивали на замене ректора ТТИ Николая Владимировича Гутовского на А.Ф. Пономарева или Я.И. Михайленко. Оставляя Н.В. Гутовского ректором рекомендовалось лишь в самом крайнем случае. Заведующий агитационно-пропагандистским отделом губкома М.А. Вольфович считал, что у действующего ректора нет авторитета и нужно прислать человека из Москвы. Партийная ячейка напомнила о кадетском прошлом Николая Владимировича. Тем не менее, Н.В. Гутовский был избран ректором и занимал этот пост до 1930 г.

Степень недоверия губернского партийного руководства к профессуре оставалась весьма высокой даже в 1925 г. Показательно отношение к математике Василию Ивановичу Шумилову. Ранее он входил в Российскую социал-демократическую рабочую партию, приветствовал советскую власть. В 1920 г. В.И. Шумилов стал профессором по декрету Совет Народных Комиссаров (СНК), активно работал на рабфаке и инженерно-строительном факультете технологического института. В 1925 г. его приняли в ряды РКП (б). При этом В.И. Шумилова упрекали за весьма запоздалое вступление в ряды коммунистов. Руководители губернии не доверяли профессору. 16 сентября 1925 г. В.С. Корнев на общем собрании коммунистов станции Тайга призывал осторожно подходить к приему в партию таких людей как В.И. Шумилов «иначе такой специалист сможет завоевать доверие, пролезть даже в ЦК и там повести свою уже контрреволюционную

линию» [19]. Заведующий агитпропом губкома А.А. Цехер высказался в том же духе. Подобное недоверие было для профессоров дополнительным аргументом необходимости отъезда из Томска. В 1925 г. В.И. Шумилов перебрался в Москву. Ликвидация Томской губернии в конце 1925 г., в связи со сталинским районированием, понизила статус Томска до окружного, а фактически районного центра. Это резко снизило привлекательность города для профессуры.

Негативное влияние на вузовских преподавателей оказывали репрессии их коллег. В конце 1923 г. ГПУ арестовало профессора Владимира Яковлевича Мостовича и его помощников Василия Агиенкова и Сергея Анисимова. До революции В.Я. Мостович трижды побывал в Германии и один раз в США. Частые командировки за границу были нормой того времени. В 1923 г. специалисты по цветным металлам обвинялись в отправке секретных проб в Германию. Законы РСФСР предусматривали за подобное преступление высшую меру наказания или срок до пяти лет со строгой изоляцией. 21 августа 1924 г. местное ГПУ передало дело В.Я. Мостовича губернскому прокурору и настаивало, чтобы на суд не вызывали германского консула. Дело о шпионаже томских ученых оказалось настолько громким, что дошло до Политбюро ЦК РКП (б). Высшая партийная инстанция страны рассмотрела обвинительные документы на В.Я. Мостовича и дало указание наркомю юстиции смягчить наказание. 2 января 1925 г. председатель Томского губернского суда получил предписание наркома юстиции и прокурора РСФСР приговорить Владимира Яковлевича к трем годам [1. С. 359–360]. В поддержку арестованного В.Я. Мостовича высказывался профессор Н.С. Пенн и преподаватель Ф.А. Бельшев. В феврале 1925 г. В.Я. Мостовича осудили на три года без строгой изоляции. Секретарь губкома РКП (б) В.С. Калашников поддержал просьбу правления института о переводе Владимира Яковлевича в другой город.

Деятельность всех вузовских ячеек города объединяло студенческое бюро, которое подчинялось непосредственно губернскому комитету. В мае 1923 г. в студенческое бюро ячейки томских вузов входили: Василий Петрович Мальгин (ответственный секретарь), Татьяна Афанасьевна Баклан, Александр Васильевич Бричкин. Эти люди не были склонны к компромиссам. Например, бывший красноармеец Александр Бричкин выступал против зачисления в научные сотрудники ранее мобилизованных в белую армию офицеров, критиковал профессора В.И. Минаева за «кадетско-буржуазные» взгляды на реформу вузов. А.В. Бричкин обвинял научного сотрудника и члена правления ТТИ С.И. Кукса в том, что тот писал дипломную работу под руководством «отъявленного контрреволюционера и монархиста» Н.И. Карташова. «Мало того, – говорил Бричкин, – Кукс все время заигрывает с профессурой в ущерб коммунистическим принципам для шкур-

ных интересов» [20]. На 1 сентября 1923 г. в технологическом институте было 103 коммуниста. С октября 1923 г. партийную ячейку ТТИ возглавлял член партии с 1917 г., выпускник рабфака Иван Иванович Неудахин.

19 декабря 1923 г. Сиббюро ЦК предписало губкомам создать специальную комиссию по чистке вузов. В нее включили представителей губернского комитета РКП (б), ГПУ и губернского отдела народного образования. Чистке предшествовало составление характеристик. Эту работу выполнял секретарь ячейки или члены исполнительного бюро. Например, секретарь ячейки ТТИ Н.Н. Киселев так оценил преподавателя В.М. Мизерова: «В отношении его политической физиономии ничего определенного сказать нельзя, так как в общественной жизни института участия никакого не принимает, а уроках рисования делает только свое дело» [21]. О преподавателе Н.Н. Горностаеве секретарь ячейки писал: «В политическом отношении личность бесцветная. Ранее, в царское время, будучи студентом в Ленинграде, принимал участие в студенческих кружках и интересовался политикой» [21]. Н.Н. Киселев предлагал оставить обоих преподавателей на службе ввиду недостатка научных работников».

11 августа 1924 г. бюро Сибкрайкома РКП (б) заслушало доклад Александра Антоновича Ансона (Абова), заместителя заведующего Сибполитпросветом и заместителя краевого отдела народного образования, о работе сибирской комиссии по чистке вузов. Местные комиссии исключили 1354 студента, или 20,2 %. Сибирская комиссия рассмотрела 825 апелляций и восстановила 208 человек, или 25,2 %. Строже всех работала томская комиссия. Называемые ею мотивы исключения, признавал Ансон, «довольно часто не соответствовали фактическому положению дела» [2. С. 233]. Так, сибирская комиссия в университете исключила 89 человек и 72 в технологическом институте, а томская – соответственно 352 и 327 [22].

Летом 1924 г. правила приема в вузы были вновь изменены. Вводились новые социальные ограничения. Прием в вузы частных лиц сокращался до минимума, и большая часть мест отдавалась рабфаковцам. В технические вузы теперь принимались только выпускники рабфака. В августе 1924 г. в ТТИ прибыло 290 рабфаковцев и 10 человек, командированных ЦК РКП (б). В то время в институте насчитывалось 700 «старых» студентов. На весь этот контингент центр выделил только 325 стипендий. В конце августа 1924 г. Сибревком отказал в помощи вузам. Тем временем в город прибыли студенты, которых негде было размещать. Томский губком 21 августа 1924 г. обратился ко всем губернским комитетам, приславшим молодежь, выделить средства на стипендии. На следующий день Наркомпрос обязал правление ТТИ принять студентов Казанского политехнического института: 35 человек на второй курс механического факультета и 136 человек на строительный факультет.

В приемную кампанию 1924 г. партийность абитуриентов ставилась выше их компетенций. В итоге качество нового набора оказалось низким. В сентябре 1924 г. пленум Томского губкома признал этот факт, но вину возложил на вузы и те организации, которые направили молодежь в Томск. 10 октября 1924 г. Главпрофобр объявил о сокращении количества стипендий в новом учебном году с 40 до 22 тыс. Однако половине коммунистов и комсомольцев, окончивших рабфак, стипендии гарантировались.

Весной 1925 г. в технологическом институте проводилась проверка политических знаний. Студенты потянулись в партию и комсомол. Когда проверочные комиссии затруднялись в принятии решений, они передавали дела в губернскую партийную контрольную комиссию (КК). В июне 1925 г. губернская КК разбирала дело Андрея Бурмакина, студента второго курса механического факультета. Проверочная комиссия исключила его как сына кулака и торговца. Товарищи припомнили Бурмакину «демагогическое и антипартийное поведение». Губернская КК отвергла эти обвинения, оставила Бурмакина в партии, но с выговором.

На протяжении изучаемого периода вузы Томска подверглись серьезной перестройке. Они утратили былую автономию и были встроены в советскую государственную систему. Партийная ячейка вуза стала надежной опорой губернской власти и проводником её решений. При помощи чисток и строгого классового отбора поступающих удалось изменить социальный состав студентов, подчинить их партийному и комсомольскому влиянию. Губернская власть, увлеченная пролетаризацией студенчества, недооценила значение профессуры. За изучаемый период из технологического института уехали ведущие ученые. Документы того времени называли это бегством профессуры. Особенно интенсивно этот процесс протекал в 1920–1921 гг. Надежды на замену ветеранов томских вузов на приезжих из центра не оправдались. В результате качественные характеристики вуза резко понизились. Ликвидация Томской губернии негативно сказалась на финансировании старейшего вуза страны. Коммунистическая перестройка института сопровождалась большими издержками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Из истории земли томской: 1921–1924 гг. Народ и власть. Сборник документов и материалов. – Томск: Изд-во «Водолей», 2000. – 442 с.
2. Власть и интеллигенция в сибирской провинции. Конец 1919 – 1925 гг. – Новосибирск, ЭКОР, 1996. – 368 с.
3. Томский технологический институт за 25 лет своего существования. 1900–1925. – Томск: Изд-во Сибирского технологического института, 1928. – 173 с.
4. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 87. Л. 379.
5. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 86. Л. 135.
6. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 457. Л. 3.
7. Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVIII–XX столетиях. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2002. – С. 189–190.
8. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. Л. 413.
9. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 99. Л. 54.
10. Олех Г.Л. Кровные узы РКП (б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х гг.: механизм взаимоотношений. – Новосибирск: НГ АВТ, 1999. – С. 19–20.
11. ЦДНИТО. Ф.1. Оп. 1. Д. 546. Л. 219.
12. ЦДНИТО. Ф.1. Оп. 1. Д. 99. Л. 54.
13. ЦДНИТО. Ф.1. Оп. 1. Д. 547. Л. 114.
14. ЦДНИТО. Ф.1. Оп. 1. Д. 546. Л. 219.
15. ЦДНИТО. Ф.1. Оп. 1. Д. 525. Л. 6–8.
16. ЦДНИТО. Ф.1. Оп. 1. Д. 106. Л. 142.
17. ЦДНИТО. Ф.1. Оп. 1. Д. 109. Л. 23.
18. ЦДНИТО. Ф.1. Оп. 1. Д. 632. Л. 33.
19. ЦДНИТО. Ф.1. Оп. 1. Д. 574. Л. 115.
20. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1089. Л. 119.
21. ЦДНИТО. Ф.1. Оп. 1. Д. 857. Л. 15–16.
22. ЦДНИТО. Ф.1. Оп. 1. Д. 132. Л. 35.

Поступила 08.10.2011 г.